

Маргинализация жертвы и политическое тело народа

Марина Корецкая

*Профессор кафедры философии и истории науки
Самарский государственный университет путей сообщения,
443058, Самара, ул. А. Матросова, д. 2, кв. 12
E-mail: listarh@list.ru*

Маргинализация жертвы и политическое тело народа ¹

Аннотация:

В статье рассматривается предложенный Джудит Батлер перформативный подход к понятию народа. Этот подход позволяет не только наметить границы модели политической теологии, столь важной для консервативной политической мысли, но и увидеть значимость актов выхода коллективного тела в пространство публичности. В этом контексте фигура жертвы может выполнять консолидирующую функцию, потенциально являясь аффективно насыщенной точкой сборки коллективного тела. Задача статьи заключается в том, чтобы рассмотреть маргинализацию как процесс, препятствующий консолидирующему потенциалу жертвы. Маргинализация жертвы исследуется с помощью концептов «политик скорби» и «неоплакиваемой жизни». Показано, что маргинализация жертвы представляет собой многомерное

---

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

явление. Маргинализироваться может как сама жертва, так и преступник, а также различные обстоятельства катастрофических событий или актов насилия. Примеры, взятые из российской новостной повестки последних лет, позволяют проиллюстрировать, сколь важным является вопрос о том, воспринимает ли аудитория независимых интернет-СМИ жертвы, о которых ей сообщается, как маргинальные или же как имеющие отношение к собственной жизни и идентичности; готова ли аудитория сдвигать границы в сторону все большей инклюзивности и переучреждать политики скорби, дабы они становились все менее консервативно ориентированными.

Ключевые слова:

Жертва, маргинализация, сакрализация, народ, коллективное тело, неоплакиваемая жизнь, политики скорби, прекарность, перформативность

Тема маргинализации будет интересовать нас прежде всего в контексте проблемы культурной перекодировки жертвы насилия или катастрофы в сакральную жертву² (и *vice versa*), а также способности жертвенной фигуры выступать в качестве аффективно насыщенной точки сборки коллективного тела, которое представляет собой мощнейший политический и экономический (точнее, биополитический) ресурс³ Задача данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть маргинализацию жертвы как процесс, препятствующий ее консолидирующему потенциалу и предположительно зависящий от консервативно-охранительного отношения массовой аудитории к устоявшимся границам нормативности,⁴ за пределами которых оказываются различные категории исключенных. Впрочем, препятствующий

---

² Важно помнить о концептуальном различии, которое скрыто в амбивалентности русского слова «жертва». То же различие эксплицитно присутствует в европейских языках, заимствующих из латыни семантическое различие *victima* и *sacrificium*. Далеко не всякое насилие может производить сакрализирующий эффект, и далеко не всякая жертва насилия или катастрофы будет восприниматься сообществом как священная и объединяющая. Однако при определенных условиях жертва-пострадавший (*victim*) может быть сакрализована.

³ Подробнее об этом тематическом поле см.: Корецкая 2017: 29–43.

⁴ В данном случае речь не идет о консервативности в строго политологическом смысле. Имеется в виду иногда стихийная, иногда идеологически навязываемая установка, которая заключается в том, что нормативное определение «человеческого», «достойного», «признанного» имеет метафизически незыблемые основания, освященные традицией и потому не подлежащие пересмотру в пользу большей инклюзивности (Батлер 2018: 41).

лишь до определенной степени: информационное поле характеризуется подвижностью, поэтому исследование данной темы представляется актуальным. Чтобы понять уровень ставок, связанных с маргинализацией жертвы, для начала обратимся к осмыслению связи между понятиями «жертва» и «народ».

Коллективное тело народа

«Народ» представляет собой одно из центральных понятий политического дискурса. Во всяком случае, ключевая формула абсолютного большинства конституций декларирует исключительный статус народа как основного источника власти в современных государствах. Иными словами, народ рассматривается как носитель суверенности (от лат. *suprema potestas* — «верховная власть»), а суверенность народа понимается как основание суверенитета государства. Например, Преамбула Конституции Российской Федерации гласит: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации <...> принимаем Конституцию Российской Федерации». Далее — статья 3, пункт 1: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». В своей сравнительно недавно опубликованной книге «Заметки к перформативной теории собрания» (2015) Джудит Батлер комментирует аналогичную преамбулу, но уже к Конституции США («We the people...»). Батлер пронизательно замечает, что «если «мы, народ» как выражение, предложенное в Конституции, считается «самоочевидной истиной», значит, мы уже попали в своего рода ловушку» (Derrida 1986). Это означает, что благодаря демонстративно ритуальному характеру этой формулы естественным и само собой разумеющимся считается то, что по сути является результатом или эффектом перформативного установления. Здесь Батлер имплицитно противопоставляет перформативный подход к пониманию народа как политической силы двум другим, куда более традиционным подходам. Первый из них рассматривает народ как сумму автономных индивидов: каждый из нас человек, все вместе мы — люди (*people*, как известно, в английском языке означает одновременно «люди» и «народ»). Такое понимание полностью соответствует столь важной для либеральной политической установки культуре индивидуализма, несмотря на то, что она противоречит той очевидной истине, что социальное не образуется простой суммой. Второй подход, напротив, предполагает, что народ — это некая единая субстанция, своего рода ὑποκείμενον (буквально «подлежащее»)

политических процессов. Такая трактовка максимально созвучна консервативной мысли хотя бы в силу того, что отстаивание «от века данных границ» предполагает тенденцию к романтизирующей или даже сакрализующей субстантивации.⁵ Прежде всего здесь следует вспомнить текст Карла Шмитта «Государство, движение, народ. Троичность политического единства» (Schmitt 2001: 3–54),⁶ где народ понимается как аполитичная масса ὄλη («сырая» материя), политизирующаяся за счет энергии политического движения и его предводителя, который является его персонификацией и определяет судьбу народа; государству же в этой триединой композиции отводится исключительно служебная функция — оно сводится к статичному аппарату служб. Понятно, о каком именно движении идет речь у Шмитта, — этот текст написан в 1933 году и относится к числу тех работ, которые ближе всего к описанию идеологии нацистского рейха. Не случайно Джорджо Агамбен предостерегает от этой логики: приоритет, отданный движению, означает, что «демократическое понятие народа как политического тела приходит в упадок» (Агамбен 2006) и его сменяет аполитичное «население», сведенное к объекту биополитических манипуляций. Впрочем, у Шмитта можно обнаружить и «эвентуальное», а не субстанциалистское понимание народа — по крайней мере, начиная с работы «Понятие политического». В этом тексте фундаментальная политическая дихотомия друг/враг рассматривается как событийный акт, в котором народ определяет себя и сплачивается под сенью суверенной государственности. «Пока народ существует в сфере политического, он должен — хотя бы и только

⁵ Симптоматичный пример действия такой консервативной субстантивирующей парадигмы можно увидеть в вызвавшей бурную публичную реакцию статье Владислава Суркова «Долгое государство Путина», которая была опубликована 11 февраля 2019 года в «Независимой газете». Сурков характеризует российский народ следующим образом: «Глубинный народ всегда себе на уме, недостижимый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия. Понимание, кто он, что думает и чего хочет часто приходит внезапно и поздно, и не к тем, кто может что-то сделать. (...) Своей гигантской супермассой глубокий народ создает непреодолимую силу культурной гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту, время от времени пытающуюся космополитически воспарить» (Сурков 2019). Этот народ скептически относится к институтам и доверяет исключительно президенту, поэтому «в новой системе все институты подчинены основной задаче — доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами. Различные ветви власти сходятся к личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь» (Там же).

⁶ О триадической структуре и месте народа в ней речь идет на страницах 11–23.

в крайнем случае, но о том, имеет ли место крайний случай, самостоятельно решает он сам, — определять различие друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать» (Шмитт 2016: 326). С одной стороны, судьбоносное решение о различении друга и врага наделяет понятие народа интенсивностью, с другой — Шмитт настаивает на принципиальной монолитности коллективного тела народа, чье единство должно находить выражение в целостности государственных границ и государственном суверенитете. В этом смысле враг всегда должен быть внешним.⁷ Интериоризация политического противостояния либо ведет к оперативному исключению внутренних «врагов народа», либо к серьезному кризису, чреватому распадом государства (в бунте или же гражданской войне) (см.: Шмитт 2016: 308, 321–323). Собственно, при всей экзистенциальной интенсивности эта трактовка народа не так уж далеко отстоит от той, что представлена в статье о «триединстве»: кто именно решает, когда мы говорим, что народ принимает судьбоносное решение о том, кто ему друг, а кто враг? Политическое решение принимает представитель от лица государства в опоре на плебисцит. Иными словами, в практическом смысле участие единого народа в событии принятия политического решения ограничивается плебисцитарным ликованием.

Однако вернемся к Батлер. Чтобы избежать ловушки, в которой провозглашение народа субстанцией оборачивается приписыванием ему пассивного характера, необходим перформативный подход. Он позволяет Батлер показать, как коллективное тело народа, не являясь сакральной реальией, способно структурироваться благодаря имманентному движению и зачастую без участия вождей. «Народ» не дан — ни как сумма инди-

⁷ Одна из наиболее ярких попыток критически переосмыслить учение Шмитта о политическом представлена у Шанталь Муфф. В рамках своей концепции радикальной демократии она возвращает политическое измерение во внутреннюю жизнь государства, снижая при этом степень агрессивности, заложенную в противостоянии друг/враг: если у Шмитта имеется в виду прежде всего война на уничтожение, которую один народ ведет с другим, то у Муфф насильственный антагонизм превращается в агональность соперников на внутривнутриполитическом поле. Цель Муфф — показать условия возможности демократической политики, понятой в плюралистическом и агональном ключе, а вовсе не как консенсус (например, в теории Хабермаса). Что до народа, то он представляется воображаемым единством, которое становится эффектом артикуляции гегемонистских практик (см.: Mouffe 2000: 54). Они производят монополизацию тотальности за счет некой партикулярной социальной силы, которой эта тотальность в действительности не исчерпывается.

видов, ни как субстанция; будучи «пустым означающим», он всякий раз производится перформативными высказываниями и актами, учреждающими его как политическую силу и реальность. Народ учреждается посредством самопредъявления: люди выходят в публичное пространство в том числе и буквально — коллективное тело заполняет площади и улицы, тем самым заявляя о себе. Что объединяет людей в общность «мы» и делает их народом? В данном случае, сближаясь с позицией Шмитта, Жижек, пусть и ссылаясь на Алена Бадью, полагает, что для этого необходим вождь: Другой или Господин, который объяснит пассивным обывателям, слишком погруженным в свою частную жизнь и ее интересы, суть политического желания.⁸ Господин, Большой Другой, Суверен — это необходимая фигура мысли для политической теологии. Благодаря изрядно дискредитированному принципу суверенного решения эта теория представляется сегодня весьма проблематичной, однако она по-прежнему сохраняет свое влияние. Трудно найти альтернативу политической модели суверенитета и также непросто ее убедительным образом реформировать.⁹

Не отказывая понятию суверенности в позитивном содержании, Батлер предпринимает попытку отойти от спектра сопутствующих ему ассоциаций. Речь идет о связи с понятиями диктатуры, исключения и т. д., омраченными тоталитарным контекстом. Вместо этого Батлер апеллирует к актуальным формам солидарности.¹⁰ В частности, она обращает внимание на то, что современный протест часто обходится не только без лидеров, но и без замкнутости на идее народного единства: заявляя о себе как о народе, вышедшие в публичное пространство

⁸ Не соглашаясь с утверждением Делёза — «люди знают, чего они хотят», — Жижек парирует: «Нет, не знают и знать не хотят; что они хотят, так это хорошей элиты, вот почему настоящий политик не только защищает интересы народа — именно через него люди открывают то, что они «действительно хотят»». Далее он утверждает (пересказывая Бадью): «Господин — это тот, кто помогает индивиду стать субъектом» (Жижек 2014: 11–12).

⁹ О проблематическом характере понятия суверенности см., в частности: Jackson 2007.

¹⁰ Батлер пишет: «Я знаю, что некоторые стали считать слово суверенитет дурным, поскольку оно связывает политику с единичным субъектом, а форму исполнительной власти — с территориальными претензиями. Иногда оно использовалось в качестве синонима господства, а также угнетения. Но, возможно, оно имеет и другие коннотации, от которых мы не захотим полностью отказаться» (Батлер 2018: 158–159). Далее она настаивает на том, что это понятие крайне важно для народной мобилизации и актов политического самоопределения. На наш взгляд, эта позиция вызывает много вопросов. Она убедительна скорее как симптом сложности проблемы, нежели как аргументированный способ ее решения.

люди никогда не репрезентируют народ целиком и не являются монолитной общностью. Скорее, они представляют собой ситуативные альянсы различных групп. Согласно Батлер, движущей силой, выводящей эти группы в публичное пространство, является вовсе не желание найти и уничтожить «врага», а, напротив, прекарность,¹¹ уязвимость и лишенность, — все то, что она называет «dispossession» (Butler, Athanasiou 2013). Именно эта ставка на мобилирующий характер чувства уязвимости и лишенности подводит нас к вопросу о роли жертвы в консолидации народа как коллективного политического тела.

Консолидирующий потенциал жертвы

Жертва — будь то жертва насилия или сакральная жертва (при определенных условиях одно может быть «конвертировано» в другое) — обладает огромным потенциалом как точка сборки коллективных тел. Более того, важно, что понятие народа, пусть и используется как светское, имеет вполне отчетливый круг сакральных коннотаций. Начиная с тезиса Сенеки «*Sacra populi lingua est*», включая знаменитое «*Vox populi vox Dei*»¹² и заканчивая мессианским описанием «народа-богоносца» у Достоевского, перед нами далеко не простая метафора, а скорее череда исторических трансформаций идеи сакральности народного тела (Корецкая 2019). Именно жертва и создает эффект сакрального: латинское слово *sacrificium*, то есть «жертвоприношение», производно от *sacer facere*, которое буквально означает

¹¹ Прекарность в прямом смысле этого слова означает частичную занятость. Но левые, в их числе и Батлер, критикуют прекарность как такую модель отношений, при которой наемный работник под видом предоставленного ему права решать когда, сколько и каким образом он готов трудиться, лишается всяких социальных гарантий и становится крайне уязвим. Соответственно, речь идет о новой форме крайне жесткой эксплуатации под видом освобождения.

¹² Согласно сведениям, которые приводит Константин Душенко, именно в такой формулировке данное выражение впервые встречается в письме Алкуина будущему императору Карлу Великому. При этом контекст негативный: «Мы не должны слушать тех, кто говорит, что глас народа — глас Божий, ибо непостоянство толпы всегда граничит с безумием» («*Nec audiendi qui solent dicere, vox populi, vox Dei, quum tumultuositas vulgi semper insaniae proxima sit*»). Такая формулировка предполагает, что Алкуин опирается на некие более или менее устойчивые представления. Одним из источников можно считать Сенеку, у которого есть фраза, вполне соответствующая духу древнеримской гражданственности. Народное голосование сакрализуется, однако, разумеется, не в монотеистическом ключе: «Речь народа священна» («*Sacra populi lingua est*»; Контroversии I, 1, 10). Другим источником вполне предсказуемо является Ветхий завет: «Шум из города, голос из Храма, голос Господа» (Ис. 66: 6). Здесь мы обнаруживаем логику монотеизма и идею избранного народа (Душенко 2011: 122).

«делание вещей священными» через их исключение из профанного оборота (Shilling, Mellor 2013). Поэтому эпический поход под Трою, создающий культурную память эллинов, начинается с жертвоприношения Ифигении и кульминирует в смерти Ахилла; теология избранного народа вращается вокруг жертвоприношения Исаака, а политическая теология с ее чудом суверенного решения и при всем своем секуляризованном в эпоху Нового времени характере содержит память о замещенной монархом фигуре Христа — исключительной жертве и Царе Небесном.¹³ Народ в современном дискурсе, как политическом, так и повседневном, — это секуляризованное теологическое понятие. То же касается и понятия жертвы, которая сегодня все чаще рассматривается как жертва насилия, впрочем, имеющая тенденцию сакрализоваться постфактум, особенно в случае массовых смертей. Множественные жизни — тем более когда речь идет о жизнях «невинно убиенных» — исключены катастрофическим событием из сферы профанного и уже тем самым предрасположены к сакрализации.

Здесь необходимо сделать небольшое уточнение. Словосочетание «сакральная жертва» активно используется в российской провластной риторике. Оно наделяется весьма специфическим смыслом политической мифологемы и пропагандистской конструкции, что само по себе еще не является основанием для отказа от антропологического термина, позволяющего удерживать важное концептуальное различие между жертвой-пострадавшим и священным объектом жертвоприношения. Однако описать понятие «сакральной жертвы» как пропагандистской фигуры речи все же необходимо. Убедительную генеалогию этой политической мифологемы предлагает религиовед Алексей Зыгмонт (см.: Зыгмонт 2020). Он напоминает, что впервые

¹³ В данном случае о политической теологии речь идет не столько в понимании самого Карла Шмитта, сколько в той интерпретации, которую предлагает Михаил Ямпольский в книге «Возвращение Левиафана» (2004), где ключевые тезисы «Политической теологии» (Шмитт 2000) и «Левиафана» (Шмитт 2006) совмещаются с той перспективой, которая представлена в «Королях-чудотворцах» Марка Блока (1998) и «Двух телах короля» Эрнста Канторовича (2014). Кроме того, учитывается и развитие этой темы, предложенное Джорджо Агамбеном в работе «Царство и слава» (2018). Агамбен показывает, что полемика вокруг концепта «политической теологии» и его границ (прежде всего он говорит о критике Шмитта Петерсоном) представляет собой один из самых завораживающих и разветвленных сюжетов современной мысли, требуя экспликации того, как в тринитарной теологии политическая модель (учение о едином суверене) дополняется моделью «оикономической» (дифференциация царствования и правления снимает угрозу отношений «политической» вражды лиц Троицы) (см.: Агамбен 2018: 19–34).

в российском медиаполе фигура «сакральной жертвы» появляется в 2004 году в интервью телеведущего Владимира Соловьева «Московскому комсомольцу». Суть идеи в том, что политической оппозиции приписывается намерение совершить убийство публичной фигуры, в том числе и кого-либо «из своих», с тем, чтобы затем вменить ответственность за это убийство власти и таким образом «дестабилизировать ситуацию». Алексей Зыгмонт предполагает, что в этой конструкции угадываются мотивы из «Бесов» Достоевского (легко согласиться, что именно этот роман и был источником вдохновения Владимира Соловьева), а по сути она представляет собой смешение парадигм ритуального учреждающего убийства (речь идет о концепции Рене Жирара: «свои» убивают «своего», чтобы канализировать внутригрупповое насилие и учредить общность) и мученичества («гонители», «враги» убивают «нашего», что требует сплочения сообщества перед лицом «гонителей»). Сама же конструкция выражает лишь иррациональные страхи политической элиты и не имеет отношения к социальным реалиям (см.: Там же). Можно согласиться с тем, что в разговорах о «сакральной жертве» по случаю убийств Анны Политковской и Бориса Немцова, равно как и в связи с отравлением Алексея Навального, каждый раз звучит один и тот же аргумент: для оппозиции выгоднее (а для власти опаснее), чтобы эти люди были мертвыми, а не живыми, — и он, конечно, симптоматичен. По нашему мнению, однако, он указывает вовсе не на иррациональный страх, а на вполне прагматичные пропагандистские действия, заключающиеся, во-первых, в перераспределении ответственности за насилие и прочие эксцессы, во-вторых, в создании препятствия для присвоения политическими оппонентами жертвы как мученика-свидетеля собственной моральной и политической правоты и собственно консолидирующего фактора. В биополитическую эпоху, которой свойственна риторика «священности жизни», призыв к пролитию крови или демонстративная готовность к этому способны дискредитировать любую политическую силу. Но именно поэтому смерть или причиненное насилие почти наверняка получают продолжение в медийной битве за апроприацию жертвы и за право вменения вины.

События, отмеченные жертвами, далеко не всегда становятся причиной протестных выходов. Однако они способны стать мощным триггером консолидации, причем зачастую именно коллективной консолидации «снизу». Жертва может быть репрезентантом той самой лишенности, которая — в случае, если она опознается достаточно широкими группами как своя соб-

ственная, — способна не хуже вождя аккумулировать и привести в движение множества, заявляющие о себе как о народе.

В этом смысле неожиданно современным (или парадигматическим) становится фильм «Броненосец Потёмкин» Сергея Эйзенштейна, где убиенный матрос без помощи каких-либо лидеров собирает разнородное коллективное тело: сначала скорби, а потом и протеста. Это тело безошибочно воспринимается как народное не только потому, что мы видим его масштабы и то, как оно движется по улицам, заполняя мол и лестницу, но и потому, что узнаем самые различные типажи: крестьян, мещан, рабочих, рыбаков, студентов, интеллигенцию — мужчин и женщин всех возрастных категорий. Не переставая быть дифференцированным множеством, эти люди пропускают через себя волны различной аффектации, консолидируясь с их помощью в политическую силу. Итак, жертва — мощный политический аргумент, который через перформативно установленные различия пострадавших и виновных проводит или реактуализирует различия своих и чужих, друзей и врагов,¹⁴ а также задает коллективные идентичности, служит инструментом вменения и позволяет обосновать легитимность тех или иных действий.

Поэтому когда события, отмеченные жертвами, становятся резонансным информационным поводом, крайне остро встают вопросы о том, какая группа (или группы) вокруг них сплотится, какая политическая — в широком смысле — сила будет в состоянии их апроприировать, насколько масштабным будет собравшееся коллективное тело и сможет ли оно убедительно репрезентировать себя в качестве народа. Поскольку жертва — это инструмент вменения и повод для перераспределения влияния и ответственности, битва за жертву в символическом пространстве имеет тенденцию противодействия двух векторов (что наводит на некоторые аналогии с ницшеанской волей к власти как дифференцирующим элементом активных и реактивных сил). С одной стороны, речь идет о попытках предъявить жертву как «всенародную», а значит влекущую за собой заметные политические последствия. С другой — мы говорим о стратегиях ее маргинализации. Этот процесс может быть крайне динамичным, будто некий «ползунок» перемещается по оси то в одну, то в другую сторону. Здесь также может быть задействовано множество различных факторов. То, что, казалось бы, потенциально высокорезонансные случаи нередко не произво-

¹⁴Что, в общем, заставляет вспомнить и о трактовке политического у Шмитта, пусть он и не говорит о том, какова роль жертвы в эвентуальном различении друга и врага.

дят действенного эффекта (не запускают, например, механизм травмы¹⁵ на национальном уровне и не выводят коллективное тело народа на улицу ради политических требований), как раз и объясняется тем, что жертва либо с самого начала характеризовалась маргинальными чертами, либо была успешно маргинализована. Это касается не только современной ситуации. Приведем пару примеров из далекого прошлого Римской империи: как мы знаем из XIV книги *Анналов Тацита*, чрезвычайно масштабное и кровавое восстание в Британии началось после того, как в 61 году римляне аннексировали земли иценов, вдову вождя Боудикку публично подвергли порке, а ее дочерей изнасиловали (см.: Тацит 1967: 265–268). Однако при этом Гипатию (аристократку, схоларха с безупречной репутацией, располагавшей связями в элитарных кругах) разорвала посреди Александрии толпа фанатиков, и несмотря на всеобщее возмущение, наказания никто не понес.¹⁶ Причина в том, что позор жены вождя ицены дружно восприняли на свой счет (и не только они одни — по призыву жаждущей возмездия Боудикки несколько племен бриттов объединились в коалицию, что само по себе было событием из ряда вон выходящим). Гипатия, при всей своей влиятельности, была персонажем маргинальным, и ни для одной группы она не была в достаточной степени своей, чтобы ради требования справедливого наказания за ее убийство вступать в открытую конфронтацию с могущественным Кириллом Александрийским. Если вернуться к сегодняшним реалиям, то напрашивается следующий пример: уже упомянутое убийство Бориса Немцова 27 февраля 2015 года было громким, демонстративным и символически насыщенным, но при этом консенсусной фигурой он не являлся (главным образом по причине привязки к противоречивому контексту 1990-х). Не то чтобы его смерть не произвела никакого политического эффекта, однако, в отличие от смерти Эйзенштейновского матроса Вакулинчука, она консолидировала сравнительно небольшую и однородную группу, которая сама едва ли не оказалась маргинализована в качестве «пятой колонны» (Громов 2016). Сакрализованный мученический статус жертвы в данном случае вполне сформировался. Однако сообщество, для которого эта консолиди-

¹⁵ Как показывают Дж. Александер, Р. Айерман и их коллеги по проекту, культурная травма — не просто некое трагическое событие, а культурный конструкт, который трактует трагическое событие как причину кризиса культурной идентичности (Alexander, Eyerman, Giesen)

¹⁶ Обстоятельства смерти Гипатии в контексте ее деятельности как схоларха подробно рассмотрены мной в отдельной работе (см.: Корецкая 2016).

рующая фигура важна, не может существенно расширить свои границы.

Конечно, само по себе наличие фигуры жертвы, подходящей для того, чтобы быть вынесенной на стяг некоего движения в качестве мобилизующего символа, нельзя в строгом смысле считать прямой исторической причиной последующих событий (войн, восстаний и т. п.). Но такая фигура точно может выступать поводом или триггером драматизации событий, а также служить для легитимации действий. Так, белорусский протест против результатов президентских выборов в 2020 году значительно увеличил интенсивность после того, как стало известно о первых погибших,¹⁷ и в медиа появилась волна сообщений о высоком уровне физического насилия со стороны силовых структур во время разгона митингов, задержаний и содержания задержанных в изоляторах (Сафонова 2020; Литаврин, Френкель, Сковорода, Бойко 2020; Правозащитники опубликовали доклад о пытках в Беларуси 2021). Заметим, что провластные белорусские СМИ старались маргинализировать погибших, пострадавших и протестующих в целом,¹⁸ но в данном случае эта стратегия не сработала. Их вос-

¹⁷ После начала протестов в Беларуси погибли житель Минска Александр Тарайковский (он был смертельно ранен сотрудниками силовых структур на акции протеста), житель Гомеля Александр Вихор (умер после задержания в милицеском автомобиле), житель Бреста Геннадий Шутов (был смертельно ранен милицией на акции), житель Минска Артём Поруков (по данным МВД, был сбит на дороге; ведомство назвало его участником акций, знакомые Порукова отрицают связь между его смертью и протестами), житель Гродненской области Константин Шишмаков (был найден повешенным через неделю после отказа подписать протокол голосования на выборах), житель Жодино Никита Кривцов (пропал на четвертый день протестов, был найден 23 августа повешенным на дереве) (см.: В Беларуси найден мертвым... 2020), житель Минска Роман Бондаренко (избит на «Площади перемен», скончался в больнице) (см.: Цыбульский 2020). Появление сведений о каждом из этих случаев сопровождалось настоящей информационной волной как в СМИ, так и в социальных сетях. По крайней мере в случаях Александра Тарайковского, Александра Вихора и Романа Бондаренко была заметна значительная спонтанная коммеморативная активность: появлялись стихийные мемориалы, большое количество людей приняло участие в церемонии прощания, что свидетельствует о тенденции к спонтанной сакрализации погибших в качестве героев протеста. Можно с уверенностью сказать, что эти коммеморативные акты способствовали консолидации протестующих.

¹⁸ Начиная с первых дней протестов и Следственный Комитет (СК) Беларуси, и сам Александр Лукашенко заявляли СМИ, что задержанные находились в состоянии алкогольного опьянения, называли протестующих «обкуренными» (Филимонов 2020), «безработными» (Лукашенко: на протесты выходят люди... 2020). Исходно МВД Беларуси заявило, что причиной смерти Александра Тарайковского был взрыв самодельного взрывного устройства, которое он намеревался бросить в сотрудников ОМОНа, хотя позже СК Беларуси признал, что в Тарайковского выстрелили силовики. МВД также практически сразу сообщило о прошлой судимости Тарайковского за причинение тяжких телесных повреж-

принимали как мучеников, страдающих за освобождение народа от диктатуры, и в этом смысле коллективный аффект спланировал и удерживал энергию протеста достаточно долго, что особенно важно, когда протест осознается как народный и при этом лишенный лидера. Роль сообщений о жертвах в динамике белорусских протестов представляет собой важную тему для отдельного исследования. Здесь мы более не будем на ней останавливаться и сосредоточимся на российской новостной повестке, тем более, что маргинализации жертв, которая нас в данном случае интересует, в Беларуси 2020-го как раз не произошло.

Строго говоря, само по себе возведение в статус жертвы уже маргинализирует того, с кем это событие произошло. Жертва — это в любом случае фигура исключения, будь то в смысле святости, скверны или же унижительной стигматизации объекта насилия. Не случайно Рене Жирар в своей книге «Насилие и священное» (2010) пишет о том, что в архаических культурах в качестве объекта жертвоприношения предпочитали выбирать тех, кто в различных отношениях маргинален,¹⁹ поскольку ослабленность социальных связей, из которых выключена будущая ритуальная жертва, служит залогом того, что за нее не будут мстить, и таким образом насилие будет катарсически прекращено, не войдя в фазу эскалации. Отчасти с Жираром можно согласиться, но с одним немаловажным уточнением: для того, чтобы ритуал выполнил свою функцию, эта маргинальность должна быть закамуфлирована, и жертва должна восприниматься самим жертвующим сообществом как часть коллективного тела — дети и молодые люди как достояние своих семей; военнопленный как приемный член племени; фармак как тот, кого кормят всем ми-

---

дений, повлекших за собой смерть. Таким образом, погибшего явно пытались маргинализовать, представив как радикала с уголовным прошлым. Касательно последнего погибшего, Романа Бондаренко, СК Беларуси также заявлял об алкогольной интоксикации, что было опровергнуто врачами Больницы скорой медицинской помощи (см.: Борисевич 2020), которые позже сами подверглись преследованию вместе с журналистами. Обзор этих информационных кампаний дан в статье Русской службы ВВС от 19 февраля 2021 года (см.: Стечение обстоятельств... 2021).

¹⁹ Жирар составляет список тех, кто считался в архаических обществах «удобно-приносимым»: «Здесь и военнопленные, и рабы, и дети, и не вступившие в брак молодые люди, и инвалиды, и подонки общества вроде греческого „фармака“. Наконец, в некоторых обществах это король. Есть ли у этого списка общий знаменатель, можно ли его свести к общему критерию? Прежде всего, туда входят те, кто не принадлежит или едва принадлежит обществу. <...> Таким образом, мы пока имеем дело с внешними или маргинальными категориями, которые не могут установить с обществом такие же связи, как те, какими связаны его члены» (Жирар 2010: 21).

ром. Фактическая ослабленность социальных связей потенциальной жертвы является условием не столько отсутствия мести, сколько того, что после ритуального лишения жизни эти связи пострадают в меньшей степени и легче восстановятся. В современной культуре разрыв социальной ткани в случае терактов или катастроф сам по себе вполне способен притянуть всеобщее публичное внимание, превратив фигуру жертвы в своего рода ситуативный «центр циклона». Впрочем, здесь возможна и вторичная маргинализация, часто связанная с логикой виктимблейминга: если критически большая группа не ассоциирует себя со страданиями жертвы, то на нее оказывается легко возложить вину — при этом мир остается справедливым, и нет поводов требовать каких-либо изменений.

Если вернуться к Джудит Батлер, то мы видим, что она не говорит о *жертве* в собственном смысле слова как о консолидирующей фигуре, хотя и настаивает на том, что именно опыт утраты, в котором раскрывается социальная уязвимость, лишенность и прекарность позволяет совместно переживающим эту утрату заявить о себе как об общности «мы». ²⁰ В таких работах, как «Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence» (2004) и «Frames of War: When Is Life Grievable?» (2009), ²¹ Батлер поднимает вопрос о «политиках скорби» (*politics of mourning*) и «неоплакиваемых жизнях» (*ungrievable lives*). К таковым относятся жизни, в том или ином отношении попавшие в логику и практику исключения: то есть жизни маргинализированных индивидов или групп. Декларируемое уважение к жизни как высшей ценности, характерное для актуального сегодня биополитического диспозитива власти, предполагает, что события, связанные со смертями, должны запускать нормативный сценарий публично выражаемой скорби. Однако этот ритуальный сценарий выполняется с ограничениями или не осуществляется вовсе по отношению к целому ряду категорий населения. К ним Батлер относит мигрантов, людей, страдающих ВИЧ, наркоза-

---

²⁰ «Мое предположение состоит в том, что, несмотря на наши локационные и исторические различия, возможно появление общности «мы», потому что у всех нас есть некое понимание того, что значит потерять кого-то». (Butler 2004: 20). Этот тезис хорошо рифмуется со следующим определением прекарности: «Прекарность подразумевает социальный характер жизни, то есть тот факт, что жизнь человека всегда в каком-то смысле находится в руках другого» (Butler 2009: 14).

²¹ Книга «Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence» представляет собой рефлексию по поводу терактов 11 сентября 2001 года. Наиболее важной в контексте обсуждаемых вопросов является глава «Violence, Mourning, Politics» (Butler 2004: 19–50).

висимых, заключенных, работников сферы сексуальных услуг, бездомных и т. п. Список тех, чья жизнь не рассматривается как достаточно ценная, может быть продолжен, и к тому же он разнится от государства к государству. Но в любом списке неоплакиваемых Батлер, как интеллектуала левых политических взглядов, задевает прежде всего фактическое неравенство при равенстве декларативном. С одной стороны, все люди смертны, право на жизнь неотчуждаемо, а сама жизнь требует бережного управления. С другой, при условии, что все подвержены риску болезней и смерти, риск этот по-прежнему распределяется неравномерно: не только в том смысле, что качество жизни и медицинского обслуживания одних не сопоставимо с тем, что может быть доступно другим, но и в том смысле, что смерти по факту не являются равноценными ни с точки зрения институтов власти, ни с точки зрения самого общества. Конечно, эти несчастные могут сколько угодно оплакивать свои потери, но их скорбь не достигнет публичного пространства и не вызовет резонанса. Рассуждая о том, что смерть журналиста Дэниэля Перла, шефа южноазиатского бюро «The Wall Street Journal», вызвала широкий публичный резонанс, чего не скажешь о многочисленных «безымянных» афганцах, убитых во время американских военных операций, Батлер делает следующий вывод:

Важно осознать, что запрет на некоторые формы публичного траура сам конституирует публичную сферу на основе этих запретов. Тот факт, что определенные образы не появляются в медиа, определенные имена мертвых не упоминаются, определенные потери не озвучиваются, и насилие предстает неосознанным и диффузным, является условием для формирования специфической публичной сферы (Butler 2004: 37–38).

Оказывается, что смерти маргиналов легко списать со счетов, ответственность за них не вменяется никому, и поэтому их жизни по-прежнему рискуют стать «расходным материалом».

Конечно, концепции Жирара и Батлер находятся в совершенно различных исследовательских перспективах. Общим для них является разве что признание важности перформативных актов для консолидации коллективного тела, будь то племя или народ. Но если для Батлер принципиальна инклюзивность скорби, благодаря которой можно требовать признания ценности каждой жизни и неприемлемости исключаящего насилия как такового, то для Жирара учреждающее насилие актов жертвоприношения (по крайней мере, в архаических обществах) приемлемо и оправдано

тем, что позволяет держать чреватый хаотическим пролитием крови миметизм человеческих желаний в узде. И все же, при всей разнице исследовательских оптик и выводов этих авторов, отметим, что наблюдение Жирара о преимущественно маргинальном характере индивидов, избираемых для жертвоприношения, позволяет обнаружить ту сторону «неоплакиваемых» смертей, которая не видна с батлеровских позиций: коллективное тело не протестует против гибели исключенных, поскольку здесь действует в том числе и вполне архаическая логика замещения «лучше они, чем мы». Эта логика препятствует солидарности, но, если верить Жирану, это не мешает консолидации другого типа, а именно консолидации через управляемое насилие.

Батлер фактически продолжает разговор о голой жизни как об изнанке биополитики и сосредотачивается на интересной симптоматике, с которой не работает, например, Агамбен: еще одним красноречивым признаком социальной несправедливости становится наличие или отсутствие публичных ритуалов скорби. Решение о том, чья жизнь достойна оплакивания, а чья — нет, это политическое решение, а потому проблематизация политик скорби представляет собой весьма актуальную задачу. Батлер также приводит тезис об эмансипаторном потенциале перформативных актов скорби. Обращаясь к «Антигоне» Софокла (Butler 2002), она предлагает видеть в этом драматическом сюжете перформативное смещение границы, отделяющей тех, кто может быть оплакан, от тех, кто этого права лишен. Антигона публично обосновывает свое право на скорбь и право Полиника на достойное погребение. Суд над ней переходит в общегородскую дискуссию, а ее самоотверженная смерть и несчастья, обрушившиеся на царя Креонта, убеждают фиванцев в том, что указ царя несправедлив, и всякая жизнь уже сама по себе достойна оплакивания. Конечно, такая трактовка релевантна трагедии Софокла и ее античным контекстам приблизительно в той же степени, в какой релевантно и фрейдовское прочтение истории Эдипа. «Антигона» для Батлер — это лишь способ заострить актуальные проблемы. В переводе на язык современных реалий речь идет о том, что акты публичного траура по тем, скорбеть по кому не принято, имеют не только «подрывной», но и переучреждающий характер, перформативным образом меняющий устоявшиеся практики и смещающий границы, отделяющие исключенных.²²

²² Потенциально протестный характер политик скорби у Батлер анализируется в статье Дэвида Макивора, где автор, в частности, подвергает концепцию Батлер критике за то, что установка на активное освобождение и переучреждение противоречит той приверженности, которую Батлер испытывает к фрейдистской

Таким образом, это — противостояние консервативному отношению к нормативности, в котором «более оплакиваемая» (*more grievable*) смерть коррелирует с «более жизнеутверждающей» (*more livable*) жизнью.²³

При всей ее нетривиальности и гуманистической направленности, концепция Батлер дает поводы для критики и вызывает вопросы в том, что касается позитивной программы.²⁴ Кроме того, эта теория объясняет далеко не все стороны феномена маргинализации жертвы. Батлер тематизирует прежде всего ту маргинальность, которая является эффектом устоявшихся диспозитивов власти, «седиментированных» в ритуалах и повседневных практиках, и потому кажущихся естественными. Можно сказать, что это своего рода ценностный консерватизм, то есть стихийный и практически неосознанный культ нормативности или мышление через призму гипостазированных нормативных рамок, чье случайное происхождение забыто и не признается (Butler 2009: 141–144). Батлер сосредотачивается на этом аспекте, поскольку он близок интересующей ее проблеме гендерной идентичности. Разумеется, этим проблема не исчерпывается, поскольку помимо общих диспозитивов власти есть также

трактовке меланхолии как работы скорби, зашедшей в тупик и принявшей аутодеструктивный характер (McIvor 2012).

²³ «Могут, конечно, возразить, сказав, что идея „жизнеутверждающей жизни“ — может дать повод тем, кто хочет провести различие между жизнями, достойными проживания, и жизнями, которые стоит уничтожить, — это и есть обоснование, поддерживающее определенный тип военных усилий, различающих ценные и оплакиваемые жизни, с одной стороны, и обесцененные и неоплакиваемые жизни — с другой. (...) Но ведь не существует жизнь „сама по себе“ Всегда есть только обстоятельства жизни — другими словами, жизнь как нечто, что требует условий для того, чтобы стать пригодной для проживания и для того, чтобы стать оплакиваемой» (Butler 2009: 23).

²⁴ Можно критиковать тот факт, что Батлер, сохраняя понятие суверенности, не ставит под вопрос зависимость понятия «народ» от горизонта политической теологии, который как раз и обосновывает консервативную программу. Также вызывает вопросы и та ставка, которую делает Батлер на способность «голой жизни» отстаивать свое право на более жизнеутверждающий характер существования. Трактовка «голой жизни» у Батлер отличается от трактовки Агамбена, для которого это понятие отсылает не к органическому «субстрату» или бытийной данности тела-как-оно-есть, а к эффекту политик исключения. У Батлер же вполне прослеживаются параллели с ницшеанской философией жизни, которые, впрочем, присутствуют и в «Критике насилия» Вальтера Беньямина (см.: Беньямин 2012: 91–94). В этой работе тезис о вине, вмененной голой жизни, также отсылает к Ницше. Наделенное виной «естество» может взбунтоваться и освободиться, поскольку оно угнетено, но при этом бытийно. Продукт властных редуцирующих и исключаящих операций, напротив, делает бессмысленными попытки эмансипации. Это наводит на мысль о зависимости позитивной части концепции Батлер от дискурса биовласти и его ценностей. Утопичным выглядит и упование на исключительно ненасильственный характер массового протеста.

и властные стратегии, целенаправленно маргинализирующие те или иные явления. Разумеется, установка на инклюзию понятна и не может не приветствоваться. Однако учитывая, что запрет на оплакивание в некоторых случаях выполнял и выполняет не только негативно-репрессивные функции,²⁵ призыв к полной инклюзивности сегодня выглядит неоднозначно.

Маргинализация жертвы

В связи со всем, что было сказано выше, возникает ряд вопросов, которые подлежат обсуждению. Мы будем рассматривать их, опираясь на недавние публикации из отечественных интернет-СМИ. Мы обращаемся к актуальной повестке для того, чтобы избежать соблазна трактовать эти вопросы в спекулятивном ключе.

Первый вопрос можно сформулировать следующим образом: насколько маргинализация жертвы представляет собой управляемый процесс, предполагающий рациональные цели и технологии, а в какой степени сохраняется его стихийность, то есть «коллективно-бессознательный» и производный от структуры властного диспозитива, а не от чьей-то злой (или доброй) воли, характер? Могут ли иметь место манипуляции, и насколько решающую роль они играют? Частично ответ на этот вопрос дает Джеффри Александер. В рамках своей теории культурной травмы он делает предположение о том, почему не всякие травматические события признаются публично. Согласно Александеру, поскольку речь идет не только о сочувствии пострадавшим, но и о вменении вины за произошедшее, потенциальный виновный, разумеется, не желает ничего признавать (так, например, Япония не признала резню в Нанкине, а Турция — геноцид армян). К тому же зачастую это вопрос о том, кто контролирует публичное пространство и кому принадлежат медиа; а точнее, какова позиция политического истеблишмента, который всегда имеет рычаги контроля медийной сферы, а благодаря им — и публичного пространства (Александер 2013: 111–113). В этом смысле механизмом маргинализации жертвы может быть целенаправленный «черный» PR на зависимых медиаплощадках. Но Александер писал о медиа классического типа, устроенных по принципу легко контролируемой однонаправленной коммуникации от одного ко многим. В этом смысле сетевой тип рас-

---

²⁵ К примеру, символически отмеченного места погребения были лишены приговоренные к казни фигуранты Нюрнбергского процесса. Можно вспомнить аналогичные примеры из новейшей истории

пространения информации контролировать гораздо сложнее; к тому же возрастает вес низовой пользовательской активности, а значит и спонтанности. В такой ситуации на первый план выходит борьба за пользовательское внимание, и если официальные медиа о чем-либо упорно умалчивают, то альтернативные медиа, напротив, удерживают внимание зрителей, сообщая об умалчиваемом, и через эти сообщения транслируют определенную систему этических и политических оценок. И в том, и в другом случае речь идет о целенаправленных стратегиях репрезентации жертвы и вменения ответственности, при этом они ориентируются на запрос аудитории или, по крайней мере, на свое понимание этого запроса. Разумеется, в сетевых условиях этот запрос имеет уже не пассивный, а активный характер. Исследователи коммеморативных практик отмечают, что, например, в случае терактов или природных катастроф как правило все начинается с волны активности «снизу». Эта активность представляет собой аффективное сплочение скорбящих, которые самоорганизуются вокруг импровизированных временных мемориалов, подобно воронке, втягивающей в себя все большие потоки людей и информации. Далее различные политические силы апроприируют эту активность, оспаривая друг у друга право на лидерство (Milosevic 2017; Santino 2005). Эта апроприация не обязательно является цинизмом или злостным стремлением к идеологической манипуляции. Это необходимый и важный момент конструирования смысла события, его перевода на официальный язык публичной сферы. Но в любом случае стратегии целенаправленной генерализации или, напротив, маргинализации будут работать при наличии соответствующего массового запроса; полностью сформировать его, пожалуй, невозможно, равно как едва ли возможно успешно действовать ему вопреки.

Каковы сценарии маргинализации? При каких условиях эти сценарии срабатывают или оказываются несостоятельными? Маргинализирована может быть, во-первых, сама жертва, во-вторых, преступник, в-третьих, различные обстоятельства и события, наконец, сама память.

Что касается маргинализации жертвы, то здесь действительно работают те механизмы, о которых пишет Батлер, и мы можем лишь подтвердить это на примерах из нашего информационного поля. Принцип здесь один: чем меньше аудитория ассоциирует себя с жертвой и воспринимает ее как «свою», тем более жертва маргинальна. Разбирая процесс формирования Холокоста как культурной травмы (а это, как мы понимаем, парадигмальный во всех отношениях случай), уже упомянутый Джеффри Александер

приводит следующие сведения: несмотря на то, что американцы, освобождавшие концентрационные лагеря, безусловно были шокированы этим зрелищем, они вовсе не спешили проявлять эмпатию, продолжая относиться к бывшим узникам не намного лучше, чем нацистский лагерный персонал, поскольку эти узники были дегуманизированы (Александр 2013: 13–105). Вопрос, вынесенный в заглавие знаменитой книги Примо Леви «Человек ли это?», вовсе не являлся преувеличением. Понадобилась большая культурная работа (вроде публикации дневников Анны Франк), чтобы массовая аудитория смогла выстроить это уравнение и понять, что геноцид касается не только евреев и должен быть осужден как абсолютное зло. Другой, более современный пример: в апреле 2017 года по независимым СМИ с более или менее оппозиционной репутацией («Новая газета», «Медуза», «Эхо Москвы»,²⁶ и др.) прошла волна публикаций о жесткой кампании по преследованию гомосексуалов в Чечне. Сообщалось о незаконных задержаниях, пытках и убийствах с весьма шокирующими подробностями. Скандал вышел на международный уровень: интервью жертв опубликовали «The Guardian» (см.: Walker 2017) и «Би-Би-Си» (см.: Гомосексуал из Чечни... 2017), с осуждением и требованием расследования выступили представители Франции, Великобритании, Германии, США, Совета Европы, Австралии. В ситуацию включились Российские и международные правовые организации, и тем не менее резонанс этого события в российской публичной сфере трудно назвать значительным: активно заявила о своей солидарности сравнительно небольшая часть аудитории (см.: Сулим 2017б). Таким образом, на официальном уровне проблема была с легкостью списана со счетов (см.: Кадыров на встрече... 2017), в то время как неофициально правозащитники в индивидуальном порядке пытались спасти людей, попавших под преследования. Ситуация продолжает развиваться в том же ключе: периодически появляются публикации, сообщающие о новых фактах незаконного преследования и насилия (Горбачев, Козенко, Коэн, Сулим 2019) или о расследовании прежних эпизодов (Милашина 2021), но во внимание широкой общественности это не попадает. Причина того, что информационная волна не производит должного публичного эффекта очевидна: ЛГБТ в глазах российского общества — это маргинальное явление, с которым в целом не принято активно солидаризироваться. Несмотря на то, что в этих публи-

²⁶ Примеры публикаций СМИ по этой теме: Милашина 2017; Милашина, Гордиенко 2017; Сведения о массовых задержаниях... 2017; Сулим 2017а; Хазов-Кассиа 2017.

кациях задействована риторика прав человека, она оказывается недейственной, поскольку широкая аудитория не принимает случившееся на свой счет.

6 декабря 2018 года «Правовая инициатива» выпустила доклад об убийствах женщин по мотивам чести на Северном Кавказе (Антонова, Сиражудинова 2018). Последовала та же реакция, не демонстрирующая активного желания оказывать влияние на семейные обычаи народов Кавказа ради торжества прав человека.

В феврале 2018 года возник несколько более оживленный отклик на материалы об изнасилованиях, произошедших в коррекционном интернате для детей-сирот под Челябинском.²⁷ Эта проблема прекрасно осознается обществом как системная, а не как частный случай, касающийся конкретного учреждения. Однако вызванного резонанса оказалось недостаточно даже для того, чтобы выявить и наказать всех виновных,²⁸ не говоря уже о том, чтобы настоять на системных изменениях. Еще один пример: 27 июня 2019 года на специальном заседании Совета по правам человека при президенте РФ директор Центра паллиативной помощи г. Москвы Анна Федермессер сделала доклад под названием «Качество жизни и медицинской помощи в отделениях милосердия в ДДИ и ПНИ». В этом докладе она сравнила российские психоневрологические интернаты с ГУЛАГОМ и заявила, что «противиться реформе соцучреждений значит быть сторонником геноцида собственного народа» (Система ПНИ... 2019; Противиться реформе соцучреждений... 2019). Задача этого заседания СПЧ состояла в том, чтобы публично озвучить проблему и таким образом поспособствовать продвижению инициированного некоммерческими общественными организациями законопроекта о распределенной опеке над пациентами ПНИ, который мыслится как первый этап реформы в соответствующей сфере и уже около четырех лет не принимается Государственной думой (Алленова 2019). Что касается широкой аудитории, то та ее часть, которая узнала о докладе из СМИ, возможно, была шокирована подробностями, однако едва ли

---

²⁷ Первоначально материал появился в челябинском издании «74.ru» (Невзорова, Шраменко 2018). Затем он был подхвачен другими медиа (Тороп 2018; Берг 2018; Насилие над сиротами... 2018; Скандал в интернате... 2018).

²⁸ Директор интерната был уволен, а интернат в конце концов закрыли. Однако, якобы по причине возникших трудностей с водоснабжением, под суд попал только посетитель интерната. Педагогов, против которых дети давали многочисленные показания, это не коснулось. При этом приемные матери пострадавших детей неоднократно сообщали об оказываемом давлении — в конце концов они были вынуждены вместе с семьями покинуть Челябинскую область (см.: Челябинск: интернат, в котором рассказали... 2018).

была удивлена такому положению дел. Схожая реакция наблюдается в связи с периодическими сообщениями о пытках и издевательствах в российских тюрьмах. Впрочем, здесь отношение общества начинает меняться в силу недовольства судебной и пенитенциарной системой. Недовольство растет не в последнюю очередь на фоне того, что репрессивные формы воздействия все чаще применяются не только к политическим активистам, но и к обычным гражданам в качестве наказания за протестную активность. В целом уровень терпимости к перечисленным выше явлениям в российском обществе по-прежнему остается достаточно высоким, поскольку их жертвами становятся именно представители маргинализированных групп, чья судьба всерьез беспокоит либо родственников, либо специализированные общественные организации. Широкая аудитория не соотносит эти проблемы с собственной жизнью и опытом, поэтому уровень эмпатии остается невысоким. Это сказывается в отсутствии желания активно демонстрировать солидарность в онлайн или оффлайн режиме. Информационная волна ограничивается очерками профессиональных журналистов в ряде изданий, систематически поддерживающих данную повестку. Заметим также, что как правило эти эксцессы происходят на маргинальных территориях: в ПНИ, интернатах для сирот, казармах и тюрьмах — настоящих зонах исключения. Таким образом, можно утверждать, что маргинальность жертв напрямую связана с маргинальным характером топоса, в котором они оказались.

Вполне уместно говорить не только о «внутренних», но и о «внешних» по отношению к территориальным границам государства областях исключения, которые можно условно называть территорией «Дикого поля». Это в буквальном смысле слова зоны аномии, в отношении которых можно предполагать, что нормы права, в том числе и международного, там не действуют. Аудитория предполагает, что всякий, кто добровольно (чаще всего по профессиональным соображениям) выходит в это «Дикое поле» (будь то наемники или журналисты), безоговорочно идет на риск и должен это понимать. В результате может получиться громкая история, но без заметных последствий. Это произошло, например, с убийством журналистской группы Орхана Джемалы, Александра Расторгуева и Кирилла Радченко в Центральноафриканской Республике (ЦАР) 31 июля 2018 года. Это убийство также повлекло за собой волну публикаций в СМИ — прежде всего оппозиционных — на фоне достаточно скромного масштаба стихийной коммеморации, в которой приняли участие в основном представители профессионального журналистского

и кинематографического сообществ, причем далеко не в массовом порядке.²⁹ В докладе по результатам журналистского расследования, проведенного Центром «Досье» (см.: Итоговый доклад центра Досье... 2019), аргументируется причастность к убийству военных структур, деятельность которых пыталась расследовать в ЦАР группа Джемалы. Этот доклад не повлиял на позицию МИД РФ и СК, который объявил дело закрытым. Симптоматично, что аудитория восприняла доклад Центра «Досье» как более убедительный, чем официальная версия про бандитское нападение с целью грабежа. Однако это не повлекло за собой никаких массовых акций с требованиями, например, в адрес СК.

Маргинализирован может быть и преступник. На основании собственного опыта участия в экспертных комиссиях по психиатрическому освидетельствованию арестованных террористов израильский психиатр Иосиф Зислин, автор ряда работ об антропологических аспектах психиатрии, говорил о том, что эксперты находятся под двойным давлением: родственники жертв требуют признания психической вменяемости преступников, поскольку в таком случае возможно наказание, однако значительная часть общества ожидает, что террориста признают невменяемым.

Потребность и желание видеть в террористе, тем более в террористе-самоубийце, психически больного возникает как на личностном, так и на коллективном уровне. «...» Ведь если мы не можем понять мотивацию страшных и угрожающих деяний, то это не потому, что мы не обладаем достаточным знанием, а потому, что действует умалишенный. Умалишенного же понимать не нужно. Его нужно изолировать и лечить (Зислин 2014).

Более того, если объявить преступника безумцем, это снимет подозрения с самой ситуации: к примеру, подозрения в том, что ситуация порождает террор. Но поскольку радикально изменить положение дел сложно, проще списать все на психические отклонения индивида. Например, в этой логике Министерство обороны РФ высказалось о причинах, по которым 25 октября 2019 года рядовой Рамиль Шамсутдинов расстрелял 8 сослуживцев: «Действия военнослужащего могли произойти на почве нервного срыва, вызванного личными обстоятельствами, не связанными с прохождением военной службы» (Причиной убийства... 2019).

---

²⁹ По крайней мере, акции 2019 года в поддержку Ивана Голунова и Павла Устинова были несопоставимо более масштабными и вовлекли широкую публику.

Кроме того, рассматривалась версия о его психической невменяемости и влиянии компьютерных игр.

Разговор о проблемах с психикой способствует и маргинализации самоубийств по политическим мотивам, совершенных публично. Типологически такие суициды близки к ритуальным актам самопожертвования. Самосожжение основательницы сетевого издания «Koza press» Ирины Славиной, совершенное 2 октября 2020 года перед зданием управления МВД Нижегородской области, имело выраженный перформативный характер. Однако смысл, связанный с протестом против ограничения свободы слова, давления на независимые СМИ и усиления репрессивности государства, который сама Славина вкладывала в свой поступок, оказался вытеснен предположениями о ее психической неадекватности, состоянии нервного срыва и чрезмерно эмоциональной реакции на проведенный накануне в ее квартире обыск. В своем комментарии к диалогу Владимира Путина с Евгением Мысловским на заседании Совета по правам человека адвокат семьи Славиной, Александр Караваев, сделал следующее высказывание: «Их позиция будет сведена к ее «сумасшествию»» (Карташов, Бурухина 2020). Посмертная психологическая экспертиза, на которую ссылается постановление СК об отказе в возбуждении уголовного дела, полностью маргинализирует журналистку, предлагая трактовать акт протеста как проявление «смешанного расстройства личности», не связанного ни с какими социальными обстоятельствами (см.: Бурухина 2021). Такая интерпретация позволяет снизить резонанс и освободить силовые структуры от ответственности за превышение полномочий. Кроме того, она не так уж сильно расходится с представлениями самой публики, в том числе и сочувствующей журналистке. В контексте накладывающихся друг на друга биополитической этики, утверждающей сверхценность жизни, и этики христианской, осуждающей самоубийство, такой радикальный жест может восприниматься массовой аудиторией как результат потери адекватности в состоянии аффекта. Есть, конечно, и другие различия в ситуациях Славиной и, например, Мохаммеда Буазизи, чье самосожжение 17 декабря 2010 года спровоцировало революцию в Тунисе и которого не характеризовали как безумца. В случае Славиной была задета ее профессиональная идентичность журналиста. Буазизи было буквально нечем кормить семью, и его отчаяние разделяла и без того близкая к точке кипения молодежь. Об этом свидетельствует череда последующих самосожжений в Тунисе, Алжире, Египте и Йемене. В Нижнем Новгороде аудитория безусловно была шо-

кирована произошедшим, однако при этом мобилизационного эффекта не последовало.

Можно говорить и о маргинализации события в целом, когда оно представляется как результат более или менее случайных обстоятельств. Официальные версии таких катастроф, как крушение Ту-154 под Сочи 25 декабря 2016 года³⁰ или взрыв в жилом доме в Магнитогорске 31 декабря 2018 года,³¹ обращаются именно к такому типу объяснения. Здесь вполне можно говорить о целенаправленной стратегии. В обоих случаях, равно как и во многих других, официальная позиция не вызывает доверия у массовой аудитории, чему также способствует атмосфера повышенной секретности. Гораздо большей популярностью пользуются версии теракта, нередко имеющие конспирологический характер. Если катастрофическое событие вызывает большой интерес и имеет место высокая степень эмоциональной вовлеченности в его обсуждение, то оно маргинализируется также и через постепенное выталкивание из информационного поля. Волна «хайпа»³² в силу своей коммуникативной интенсивности может играть существенную роль в консолидации пользовательской аудитории вокруг фигуры жертвы (см.: Иваненко 2020). Но эта волна сама по себе недолговечна, и если она не получает подпитки, то идет на спад и растворяется в общем информационном фоне. Официальные инстанции призывают дождаться результатов расследования, которое затягивается на бесконечно долгий срок, а само событие забалтывается траурной риторикой — все это происходит вплоть до иссякания коллективного аффекта и забвения произошедшего, которые опережают и, следовательно, делают невозможной любую консолидацию. Мы

³⁰ Сначала Министерство обороны сообщило о том, что по результатам расследования катастрофа могла произойти из-за нарушения ориентации командира в пространстве (см.: Минобороны обнародовало итоги ... 2017). Затем расследование было несколько раз продлено, и наконец в декабре 2019 года сообщили, что дело закрыто из-за отсутствия состава преступления. При этом само постановление о прекращении дела составляет государственную тайну (см.: Дело о крушении Ту-154 под Сочи закрыто... 2019).

³¹ Первой и основной официальной версией произошедшего в Магнитогорске считается взрыв бытового газа (см.: Петренко 2019). Однако интернет-издания «Znak.com» и «Baza» практически сразу стали настаивать на версии теракта (см.: Малкова 2019; Могутин 2019).

³² Заметим, что слово «хайп», которое в отечественном интеллектуальном пространстве относится, скорее, к области сетевого жаргона, часто используется в зарубежных медиа-исследованиях в качестве понятия, поскольку речь идет о важном коммуникативном феномене коллективной волновой аффектации, понимание закономерностей которого представляет собой актуальную задачу. См., например, коллективный труд «From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion» (Vasterman 2018).

видим бесконечное повторение этой схемы, которая используется как способ предотвращения или нивелирования протестной активности, когда у общества имеются резоны вменить ответственность за жертвы различным властным инстанциям. Схема повторяется, поскольку она представляется эффективной для снижения напряженности, тем более что сама аудитория не склонна слишком долго хранить память о трагедиях: ужас Реального невыносим, особенно когда имеет место безоговорочная эмоциональная идентификация с жертвами (то есть любой может оказаться в подобной ситуации). Однако такого рода информационное вытеснение может стать бомбой замедленного действия, поскольку на местах сохраняются сообщества утраты, которые не забыли о трагедии и не испытали своего катарсиса, продолжая ждать возмездия. Вспомним «Орестею»: Эринии ради общего блага должны иметь возможность стать Эвменидами. Эта трансформация происходит при помощи ареопага, то есть суда. Его, конечно, можно упрекнуть в демонстративной драматизации, прикрывающей ориентацию на предполагаемый результат, но тем не менее все стороны оказываются выслушаны, справедливость предъявлена, а катарсис испытан. Когда же такого шанса у Эриний нет, в своей маргинальной зоне они накапливают мощный заряд скверны. Если спустя время этому аффекту удастся прорваться в публичное пространство, то он может привести к существенным репутационным потерям для тех инстанций, которым будет прямо или косвенно вменена вина за страдания жертв. Именно это мы и наблюдали в 2019 году в связи с 15-летней годовщиной Беслана.

Рассмотренные примеры из актуальной российской новостной повестки позволяют увидеть, что маргинальность жертвы — неоднозначное явление. Многие в нем объясняет «неоплакиваемая жизнь», как ее описала Батлер: чем более маргинальным выглядит статус жертв-пострадавших в глазах широкой аудитории, тем больше вероятность, что с молчаливого согласия общества и властных институтов эти жертвы попадут в категорию «расходной жизни». В этом смысле метафора ПНИ как ГУЛАГА чрезвычайно красноречива. Чем более консервативно в своих этических установках общество, тем более статичны границы, отделяющие тех, кто стигматизирован обстоятельствами или институтами, от «респектабельного большинства». До тех пор, пока в роли Антигоны, требующей оплакивать жизни чеченских гомосексуалов, насельников интернатов и прочих, активно выступают лишь родственники пострадавших, отдельные СМИ, предоставляющие им площадку, и некоммерческие организации, отстаивающие их

права, едва ли можно ожидать, что эти жертвы станут поводом для консолидации политического тела народа.

Примеры, которые демонстрируют маргинализацию события, раскрывают и другую сторону проблемы. Речь идет о тех случаях, когда аудитория проводит аналогии между собой и жертвами и легко может представить себя на их месте. Но настойчивый разговор о случайном характере произошедшего не только снимает вопрос о вменении ответственности, но и вместо процесса солидаризации запускает скрытую логику виктимблейминга с ее теологической верой в незыблемую справедливость мира. В этой логике погибшим в сочинской авиакатастрофе не следовало лететь в Сирию, а Джемалю — ехать в ЦАР; если не повторять подобных ошибок, то оказаться на месте пострадавших якобы невозможно. Таким образом мы видим, что коллективный аффект здесь входит в иное русло и не провоцирует никаких массовых акций, если не считать таковыми простое выражение скорби. Парадокс, который, похоже, не фиксировала Батлер, заключается в том, что не только неоплакиваемые жизни могут быть расходным материалом, в том смысле, что публичный траур и соболезнования сами по себе ничего не гарантируют. Тем не менее маргинальность может аккумулироваться, когда под влиянием нарастающего недовольства различные случаи выстраиваются в последовательный ряд, складываясь в некую общую картину. При этом они могут «метить» в область цезуры, которую описал Агамбен, отмечая, что понятие народа двусмысленно: с одной стороны, оно обозначает сакрального носителя суверенности, о котором иначе как с придыханием и пиететом говорить не положено, а с другой — народ понимается как простой, бедный, лишенный, угнетенный и безвластный (см.: Агамбен 2015). Когда группы, ассоциируя себя с различными типами, казалось бы, маргинализированных жертв, раз за разом оказываются в статусе обездоленного и «расходного» народа, нельзя исключать, что маргинальные жертвы могут быть перекодированы в жертв, объединяющих тот самый народ, с перформативными целями выходящий в публичные пространства.

Библиография

- Агамбен, Джорджо (2006). «Движение». *Центр гуманитарных технологий*. <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/606>.
- Агамбен, Джорджо (2015). «Что такое народ?» В кн.: Агамбен, Джорджо, *Средства без цели*. М.: Гилея.
- Агамбен, Джорджо (2018). *Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

- Александр, Джеффри (2013). *Смыслы социальной жизни. Культуросоциология*. Пер. с англ. Г. Ольховикова, под ред. Д. Куракина. М.: Праксис.
- Алленова, Ольга (2019). «В сферу опеки не хотят пускать НКО». Кому и зачем нужен законопроект о распределенной опеке». *Коммерсант*. <https://www.kommersant.ru/doc/4004906>.
- Антонова, Юлия, Сиражудинова, Светлана (2018). «Убитые сплетнями». Убийства женщины по мотивам «чести» на Северном Кавказе. Отчет по результатам качественного социологического исследования в республиках Дагестан, Ингушетия и Чечня (Российская Федерация). *Проект «Правовая инициатива»*. https://www.srji.org/upload/iblock/681/Pravovaya_initsiativa_Otchet_UBITYE_SPLETNYAMI_2018.pdf.
- Батлер, Джудит (2018). *Заметки к перформативной теории собрания*. М.: Ad Marginem.
- Беньямин, Вальтер (2012). «К критике насилия». В кн.: Беньямин, Вальтер, *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ.
- Берг, Евгений (2018). «Дети признались, что их этому научили в детдоме». Воспитателей интерната в Челябинской области подозревают в изнасилованиях воспитанников». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2018/02/20/vospitateli-internata-v-chelyabinskoy-oblasti-podozrevayutsya-v-tom-chto-god-nasilovani-detey-i-mogut-uyti-iz-pod-otvetstvennosti>.
- Блок, Марк (1998). *Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии*. М.: Языки русской культуры.
- Борисевич, Катерина (2020). «Врач БСМП: «У Романа Бондаренко было ноль промилле алкоголя, вообще ничего не нашли»». *TUT.BY*. <https://news.tut.by/society/707715.html?c>.
- Бурухина, Наталья (2021). ««Это суицид протеста»: СК снова отказался возбуждать уголовное дело по самоубийству Ирины Славиной». *Нижний Новгород онлайн*. <https://www.nn.ru/text/criminal/2021/02/02/69744195>.
- В Беларуси найден мертвым пропавший во время протестов. Его искали 10 дней (2020) *Meduza*. <https://meduza.io/news/2020/08/23/v-belarusi-nayden-mertvym-propavshiy-vo-vremya-protestiv-ego-iskali-10-dney>.
- Гомосексуал из Чечни: «Это истребление геев» (2017). *Русская служба BBC*. <https://www.bbc.com/russian/av/media-39668606>.
- Горбачев, Александр, Козенко, Андрей, Коэн, Хила, Сулим, Саша (2019). «В Чечне снова преследуют и пытаются геев. С начала декабря, возможно, убиты несколько человек». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2019/01/14/v-chechnosnova-presleduyut-i-pytayut-geev-s-nachala-dekabrya-vozmozhno-ubity-neskolko-chelovek>.
- Громов, Дмитрий (2016). «Немцов мост: поминальные практики в публичном пространстве». *Археология русской смерти*. № 3: 52–66.
- Дело о крушении Ту-154 под Сочи закрыто из-за отсутствия состава преступления (2019). *Интерфакс*. <https://www.interfax.ru/russia/688629>.
- Душенко, Константин (2011). *Большой словарь цитат и крылатых выражений*. М.: Эксмо.
- Жижек, Славой (2014). *Накануне Господина*. М.: Европа.
- Жиран, Рене (2010). *Насилие и священное*. М.: Новое литературное обозрение.
- Зислин, Иосиф (2014). «Черт — Инородец — Безумец. К вопросу о возможности антропологического подхода в восприятии террориста. Тезисы доклада к конференции «Террор и культура» 22–24 октября 2014 года». *Academia.edu*. <https://independent.academia.edu/JosefZislin>.
- Зыгмонт, Алексей (2020). ««Сакральная жертва». Происхождение и устройство путинского мифа». *Republic*. <https://republic.ru/posts/97502>.
- Иваненко, Елена (2020). «Хайп: производство и потребление аффекта коллек-

- тивным телом». *Миргород*. № 1 (15): 254–291.
- Итоговый доклад Центра «Досье» об обстоятельствах убийства Орхана Джемалая, Александра Расторгуева и Кирилла Радченко в ЦАР» (2019). *Досье*. <https://dossier.center/car>.
- Кадыров на встрече с Путиным опроверг «провокационные статьи» про Чечню (2017). *Meduza*. <https://meduza.io/news/2017/04/19/kadyrov-na-vstreche-s-putinyum-oproverg-provokatsionnye-stati-pro-chechnyu>.
- Канторович, Эрнст (2014). *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Карташов, Александр, Бурухина, Наталья (2020). «Их позиция будет сведена к ее «сумасшествию»: адвокат Славиной отреагировал на речь Путина». *Нижний Новгород онлайн*. <https://www.nn.ru/text/incidents/2020/12/11/69619936>.
- Корецкая, Марина (2017). «(Не) напрасные жертвы: травма как точка сборки биополитического коллективного тела». *Международный журнал исследований культуры*. № 4 (29): 29–43.
- Корецкая, Марина (2019). «Народ как носитель суверенности и границы политической теологии». *Социодинамика*. № 1: 10–19.
- Корецкая, Марина (2016). «Цена палачей: история Гипатии Александрийской и фильм А. Аменабара «Агора»». *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. № 1 (19): 14–43.
- Литаврин, Максим, Френкель, Давид, Скворода, Егор, Бойко, Анастасия (2020). «Минск избитый». Как силовики калечили протестующих — исследование «Медиазоны». *Mediazona*. <https://mediazona.by/article/2020/10/13/minsk-beaten>.
- Лукашенко: на протесты выходят люди с криминальным прошлым и безработные (2020). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/4450948>.
- Малкова, Марина (2019). «От обрушения дома до взрыва «Газели»: версия, связывающая события последних дней в Магнитогорске». *Znak.com*. https://www.znak.com/2019-01-03/versiya_svyazyvayuchaya_sobytiya_poslednih_dney_v_magnitogorske.
- Милашина, Елена (2017). «Убийство чести». *Новая газета*. <https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/01/71983-ubiystvo-chesti>.
- Милашина, Елена (2021). «Казнь после смерти. По официальным данным, это террористы, уничтоженные силовиками. На самом деле — жертвы бессудных расправ в Чечне». *Новая газета*. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/15/89211-kazn-posle-smerti>.
- Милашина, Елена, Гордиенко, Ирина (2017). «Расправы над чеченскими геями». *Новая газета*. <https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72027-raspravy-nad-chechenskimi-geyami-publikuem-svidetelstva>.
- Минобороны обнародовало итоги расследования крушения Ту-154 под Сочи (2017). *Интерфакс*. <https://www.interfax.ru/russia/564720>.
- Могутин, Никита (2019). «Мы знаем, кто устроил теракт в Магнитогорске. Боевики планировали серию взрывов в новогоднюю ночь». *Vaza*. https://teletype.in/@baza/Нyh7RinfV?fbclid=IwAR2PFLAadoQR7pfd8JqDHTUn6RWv-Z1zpKPLKC_nhaDLP9FwzmfyTK64t_s.
- Насилие над сиротами в детдоме под Челябинском. Что о нем известно? (2018). *Русская служба BBC*. <https://www.bbc.com/russian/features-43116926>.
- Невзорова, Дарья, Шрапенко, Мария (2018). «Детдом ужасов: мальчики-сироты рассказали об изнасилованиях в интернате под Челябинском». *74.ru*. <https://74.ru/text/criminal/399293416808452.html>.
- Петренко, Сергей (2019). «О ходе расследования причин взрыва в подъезде жилого дома в Магнитогорске». *СК РФ*. <https://sledcom.ru/news/item/1287597/?print=1>.
- Правозащитники опубликовали доклад о пытках в Беларуси (2021). *TUT.BY*. <https://news.tut.by/society/716536.html?c>.
- Причиной убийства восьми солдат сослуживцем назвали нервный срыв (2019).

- Интерфакс*. <https://www.interfax.ru/russia/681784>.
- «Противиться реформе соучреждений значит быть сторонником геноцида собственного народа»: Федермессер рассказала о ПНИ в России (2019). *Новая газета*. <https://novayagazeta.ru/news/2019/06/26/152818-protivitsya-reforme-sotsialnyh-uchrezhdeniy-znachit-byt-storonnikom-genotsida-sobstvennogo-naroda-nyuta-federmesser-rasskazala-o-ddi-i-pni-v-rossii>.
- Сафонова, Кристина (2020). «Похоже на ад на земле. Просто ад». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/08/13/k-visku-pristavlyali-oruzhie-i-perezaryazhali>.
- Сведения о массовых задержаниях в Чечне представителями секс-меньшинств подтверждаются многочисленными источниками (2017). *Эхо Москвы*. <https://echo.msk.ru/news/1955286-echo.html>.
- «Система ПНИ — это современный ГУЛАГ для престарелых и инвалидов». Доклад Нюты Федермессер о ситуации в российских психоневрологических интернатах. Расшифровка (2019). *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2019/06/26/sistema-pni-eto-sovremennyy-gulag-dlya-prestarelyh-i-invalidov>.
- Скандал в интернате под Челябинском: «Девочку привели на аборт» (2018). *Московский Комсомолец*. <https://www.mk.ru/incident/2018/02/21/skandal-v-internate-pod-chelyabinskom-devochku-priveli-na-abort.html>.
- «Стечение обстоятельств». Как власти Беларуси закрывают дела и суды о гибели людей на протестах (2021). *Русская служба BBC*. <https://www.bbc.com/russian/features-56128669>.
- Сулим, Саша (2017а). «Признаться в Чечне, что ты гей, может быть смертельно опасно». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2017/04/03/priznatsya-v-chechno-cto-ty-gey-mozhet-byt-smertelno-opasno>.
- Сулим, Саша (2017б). «Преследование чеченских геев и атака на «Новую газету»: как реагируют на эту историю в России и на Западе». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2017/04/17/presledovanie-chechenskih-geev-i-ataka-na-novuyu-gazetu-cto-novogo>.
- Сурков, Владислав (2017). «Долгое государство Путина». *Независимая газета*. http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.
- Тацит, Публий Корнелий (1967). «Анналы». В кн.: Тацит, Публий Корнелий, *Сочинения*: в 2 т., т. 1. Ленинград.: Наука.
- Тороп, Анастасия (2018). «В Челябинской области СК возбудил уголовное дело об изнасилованиях воспитанников детского дома». *Новая газета*. <https://novayagazeta.ru/news/2018/02/19/139629-v-chelyabinskoy-oblasti-sk-vozbudil-ugolovnoe-delo-ob-iznasilovaniyah-vospitannikov-detskogo-doma>.
- Филимонов, Александр (2020). «На улицах Минска появились баррикады, спецназ применил шумовые гранаты. Один человек погиб. Главное о второй ночи протестов в Беларуси». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/08/11/na-ulitsah-minska-poyavilis-barrikady-spetsnaz-primenil-shumovye-granaty-odin-chelovek-pogib>.
- Хазов-Кассиа, Сергей (2017). «Чечня: гей-исход». *Радио Свобода*. <https://www.svoboda.org/a/28417768.html>.
- Цыбульский, Владимир (2020). «В Минске умер 31-летний сторонник оппозиции Роман Бондаренко, которого избili на «Площади перемен». На акцию его памяти пришли тысячи людей». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/11/13/v-minske-umer-31-letniy-storonnik-oppozitsii-roman-bondarenko-kotorogo-izbili-na-ploschadi-peremen-na-aktsiyu-ego-pamyati-prishli-tysyachi-lyudey>.
- Челябинск: интернат, в котором рассказали об изнасилованиях, закрыт (2018). *Радио свобода*. <https://www.svoboda.org/a/29174598.html>.
- Шмитт, Карл (2000). *Политическая теология*. М.: Канон-Пресс.
- Шмитт, Карл (2006). *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и философия одного политического символа*. СПб.: Владимир Даль.

- Шмитт, Карл (2016). *Понятие политического*. СПб.: Наука.
- Ямпольский, Михаил (2004). *Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима*. М.: Новое литературное обозрение.
- Alexander, Jeffrey, Eyerman, Ron, Giesen, Bernard, Smelser, Neil, Sztompka, Piotr (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.
- Butler, Judith, Athanasiou, Athena (2013). *Dispossession: The Performative in the Political*. Cambridge: Polity Press.
- Butler, Judith (2002). *Antigone's Claim*. New York: Columbia University Press.
- Butler, Judith (2004). *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. New York: Verso.
- Butler, Judith (2009). *Frames of War: When Is Life Grievable?* New York: Verso.
- Derrida, Jacques (1986) *Declarations of independence*, *New Political Science*, 7:1, 7-15.
- Jackson, Robert (2007). *Sovereignty: The Evolution of an Idea*. Cambridge: Polity Press.
- McIvor, David (2012). «Bringing Ourselves to Grief: Judith Butler and the Politics of Mourning». *Political Theory* 40, № 4 (2012): 409–436.
- Milosevic, Anna (2017). «Remembering the present: Dealing with the memories of terrorism in Europe». *Journal of Terrorism Research* 8, № 2 (2017): 44–61.
- Mouffe, Chantal (2000). *The Democratic Paradox*. London; New York: Verso.
- Schmitt, Carl (2001). *State, Movement, People: The Triadic Structure of the Political Unity; The Question of Legality*. Corvallis: Plutarch Press.
- Shilling, Chris, Mellor, Philip (2013). ««Making Things Sacred»: Re-Theorizing the Nature and Function of Sacrifice in Modernity». *Journal of Classical Sociology* 13, № 3 (2013): 319–337.
- Santino, Jack, ed. (2005). *Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death*. New York: Palgrave Macmillan.
- Vasterman, Peter, ed. (2018). *From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Walker, Shaun (2017). «Chechens Tell of Prison Beatings and Electric Shocks in Anti-Gay Purge: «They Called Us Animals»». *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/13/they-called-us-animals-chechens-prison-beatings-electric-shocks-anti-gay-purge>.

Marina Koretskaya

*Professor of Philosophy and History of Sciences
Samara State Transport University,
A. Matrosova street 2, apt. 12, 443058 Samara, Russia
E-mail: listarh@list.ru*

Marginalizing the Victim and the Political Body of the People

Abstract:

The article examines Judith Butler's performative approach to the concept of the people, which allows to not only outline the boundaries of a certain model of political theology, so important for conservative political thought, but to also see the significance born by the acts of entry by collective bodies into public space. In this context, the figure of the victim can have a consolidating function, being the potentially affectively condensed point of the collective body's assembling. The marginalization of the victim's body is analyzed through the concept of the politics of grief and that of ungrievable lives. The victim's marginalization is shown to be a multidimensional phenomenon. Not only the victim, but also the criminal can be marginalized, as well as various circumstances of catastrophic events and acts of violence. Examples taken from the Russian news in recent years illustrate how important the independent media audience's perception of victims are: whether they perceive the victims they are informed about as marginal or as pertinent to their own lives and identities, whether the audience is ready to shift the boundaries toward greater inclusivity and to reinstate a politics of grief to make them less conservative-oriented

Keywords:

Victim, marginalization, sacralization, people, collective body, ungrievable life, politics of grief, precarity, performativity

References

- Agamben, Giorgio (2000). "What Is a People?" In *Means without End: Notes on Politics*, 29–35. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Agamben, Giorgio (2005). "Movement." *UniNomadeSeminar. War and Democracy*. <https://www.generation-online.org/p/fpagamben3.htm>.
- Agamben, Giorgio (2011). *The Kingdom and the Glory: Towards a Theoretical Genealogy of Economy and Government*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Allenova, Olga (2019). "V sferu opeki ne khotyat puskat' NKO". Komu i zachem nuzhen zakonoproekt o raspredelyonnoy opeke" ["Non-profit organization barred entry into foster care system." Who needs the distributed foster care system and why]. *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/4004906>.
- Antonova, Yulia, and Svetlana Sirazhudinova (2018). "'Ubitye spletnyami': Ubiystva zhenshchin po motivam 'chesti' na Severnom Kavkaze. Otchyt po rezul'tatam kachestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya v respublikakh Dagestan, Ingushetiya i Chechnya (Rossiyskaya Federatsiya)" ["Murdered by rumors." "Honor" killings of women in the northern Caucasus. Report on the basis of a qualitative sociological study in the republics of Dagestan, Ingushetiya and Chechnya (Russian Federation)]. *The "Pravovaya Initsiativa" Project*. https://www.srji.org/upload/iblock/681/Pravovaya_initsiativa_Otchet_UBITYE_SPLETNYAMI_2018.pdf.
- Alexander, Jeffrey, Ron Eyerman, Bernard Giesen, Neil Smelser, and Piotr Sztompka (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Alexander, Jeffrey (2003). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press.
- Benjamin, Walter (2021). *Towards a Critique of Violence*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Berg, Yevgeniy (2018). "'Deti priznalis,' chto ikh etomu nauchili v detdome'. Vospitateley internata v Chelyabinskoy oblasti podozrevayut v iznasilovaniyakh vospitannikov" ["The children confessed that they were taught it at the orphanage." Caregivers at a care home in Chelyabisk Oblast' suspected in rape of children.] *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2018/02/20/vospitateli-internata-v-chelyabinskoy-oblasti-podozrevayutsya-v-tom-chto-god-nasilovali-detey-i-mogut-uyti-iz-pod-otvetstvennosti>.
- Blok, Mark (1998). *Koroli-chudotvortsy. Ocherk predstavleniy o sverkhyyestestvennom kharaktere korolevskoy vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii*. [Miracle-worker kings. An outline of the conceptions of the supernatural character of royal power, widespread predominantly in France and England]. Moscow: Shkola "Yazyki Russkoy Kultury."
- Borisevich, Katerina (2020). "Vrach BSMP: 'U Romana Bondarenko bylo nol' promille alkogolya, vobshche nichego ne nashli'" [BSMP medic: Roman Bondarenko had 0ppm alcohol per blood, nothing was found]. *TUT.BY*. <https://news.tut.by/society/707715.html?c>.
- Butler, Judith (2002). *Antigone's Claim*. New York: Columbia University Press.
- Butler, Judith (2004). *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. London: Verso.
- Butler, Judith. (2009). *Frames of War: When Is Life Grievable?* London: Verso.
- Butler, Judith (2015). *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Butler, Judith, and Athena Athanasiou (2013). *Dispossession: The Performative in the Political*. Cambridge: Polity Press.
- Burukhina, Natalya (2021). "'Eto suitsid protesta': SK snova otkazalsya vobuzhdat' ugologvnoye delo po samoubiystvu Iriny Slavinoy" ["It is a protest suicide": The investigative committee has once again declined to open a criminal investigation

- into the suicide of Irina Slavina]. *Nizhniy Novgorod Online*. <https://www.nn.ru/text/criminal/2021/02/02/69744195>.
- “Chelyabinsk: internat, v kotorom rasskazali ob iznasilovaniyakh, zakryt” [Chelyabinsk: Boarding school whose fosters spoke of rape closed] (2018). *Radio Svoboda*. <https://www.svoboda.org/a/29174598.html>.
- “Delo o krusheniyi Tu-154 pod Sochi zakryto iz-za otsutstviya sostava prestupleniya” [Case concerning the Tu-154 crash near Sochi closed due to absence of corpus delicti] (2019). *Interfax*. <https://www.interfax.ru/russia/688629>.
- Derrida, Jacques (1986) *Declarations of independence*, *New Political Science*, 7:1, 7-15.
- Dushenko, Konstantin (2011). *Bol'shoj slovar' citat i krylatyh vyrazhenij*. (The large dictionary of quotes and proverbial expressions) Moscow: Eksmo.
- Federmesser, Nyuta (2019). “Sistema PNI — eto sovremennyy GULAG dlya prestarelykh i invalidov.” [Psycho-neurological residential institution system is a contemporary GULAG for the elderly and the handicapped] *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2019/06/26/sistema-pni-eto-sovremennyy-gulag-dlya-prestarelyh-i-invalidov>.
- Filimonov, Aleksandr (2020). “Na ulitsakh Minska poyavilis' barrikady, spetsnaz primenil shumovyye granaty. Odin chelovek pogib. Glavnoye o vtoroy nochi protestov v Belarusi” [Barricades appear on the streets of Minsk, special forces use percussion grenades. One person dead. Most important news from the second night of protests in belarus]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/08/11/na-ulitsah-minska-poyavilis-barrikady-spetsnaz-primenil-shumovyye-granaty-odin-chelovek-pogib>.
- Girard, René (1972). *La violence et le sacré*. Paris: Grasset.
- “Gomoseksual iz Chechni: 'Eto istrebleniye geyev’ [A homosexual from Chechnya: “This is the extermination of gays” (2017). *BBC Russian Service*. <https://www.bbc.com/russian/av/media-39668606>.
- Gorbachev, Aleksandr, Andrey Kozenko, Hila Cohen, and Sasha Sulim (2019). “V Chechnye snova presleduyut i pytayut geyev. S nachala dekabrya, vozmozhno, ubity neskolko chelovek” [Gays are once again persecuted and tortured in Chechnya: Several people possibly dead since beginning of December]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2019/01/14/v-chechne-snova-presleduyut-i-pytayut-geev-s-nachala-dekabrya-vozmozhno-ubity-neskolko-chelovek>.
- Gromov, Dmitry (2016). “Nemtsov most: pominal'nye praktiki v publichnom prostranstve” [The Nemtsov Bridge: Funerary practices in public space]. *Arheologiya russkoj smerti* [Archeology of Russian death] 3: 52–66.
- Itogoviy doklad Tsentra “Dosye” ob obstoyatelstvakh ubiystva Orkhana Dzhemalya, Aleksandra Rastorguyeva i Kirilla Radchenko v TSAR [Final report of the “Dossier Center” concerning the circumstance of the murders of Orhan Cemal, Aleksandr Rastorguyev and Kirill Radchenko in CAR] (2019). <https://dossier.center/car>.
- Ivanenko, Elena (2020). “Khayp: proizvodstvo i potrebleniye affekta kolektivnym telom” [Hype: The production and consumption of affect by the collective body]. *Mirgorod*. 1.15: 254–91.
- Jackson, Robert (2007). *Sovereignty: The Evolution of an Idea*. Cambridge: Polity Press.
- “Kadyrov na vstreche s Putinyem oproverg ‘provokatsionnyye statyi’ pro Chechnyu” [Kadyrov in a meeting with Putin denies “provocative articles” about Chechnya] (2017). *Meduza*. <https://meduza.io/news/2017/04/19/kadyrov-na-vstreche-s-putinyem-oproverg-provokatsionnyye-stati-pro-chechnyu>.
- Kantorovich, Ernst (2014) *Dva tela korolya. Issledovaniye po srednevekovoy politicheskoy teologii* [The king's two bodies. A study of medieval political theology]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.
- Kartashov, Aleksander, Natalya Burukhina (2020). “Ikh pozitsiya budet svedena k ee ‘sumashestviyu’: advokat Slavinoy otreagirol na rech' Putina” [Their position will reduce to her ‘insanity’: Slavin’s lawyer reacts to Putin’s speech] *Nizhniy*

- Novgorod Online*. <https://www.nn.ru/text/incidents/2020/12/11/69619936>.
- Khazov-Cassia, Sergey (2017). “Chechnya: gey-iskhod” [Chechnya: The gay exodus]. *Radio Svoboda*. <https://www.svoboda.org/a/28417768.html>.
- Koretskaya, Marina (2017). “(Ne) naprasnye zhertvy: travma kak tochka sborki biopoliticheskogo kolektivnogo tela” [Victims (not) in vain: Trauma as an assembling point of the biopolitical collective body]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International journal of cultural research] 4.29: 29–43.
- Koretskaya, Marina (2017). “Cena parresii: istoriya Gipatii Aleksandrijskoj i fil'm A. Amenabara ‘Agora’” [The price of parrhesia: History of Hypatia of Alexandria and the movie ‘Agora’ by A. Amenabar]. *Vestnik Samarskoj humanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology] 1.19: 14–43.
- Koretskaya, Marina (2019). “Narod kak nositel' suverennosti i granicy politicheskoi teologii” [The people as carrier of sovereignty and the boundaries of political theology]. *Sociodinamika* [Sociodynamics] 1:10–19.
- Litavrin, Maksim, David Frenkel, Yegor Skovoroda, and Anastasiya Boyko (2020). “Minsk izbitiy. Kak siloviki kalechili protestuyushchikh — issledovanie ‘Mediazony’” [Minsk is beaten: How law enforcement maimed protestors — a ‘Mediazona’ investigation]. *Mediazona*. <https://mediazona.by/article/2020/10/13/minsk-beaten>.
- “Lukashenko: na protesty vykhodyat lyudi s kriminal'nym proshlym i bezrabotnyye” [Lukashenko: People with a criminal past and the unemployed protesting] (2020). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/4450948>.
- Malkova, Marina (2019). “Ot obrusheniya doma do vzryva ‘Gazeli’: versiya, svyazyvayushaya sobytiya poslednikh dney v Magnitogorske”a [From collapsing house to GAZelle explosion: A hypothesis linking events of the past few days in Magnitogorsk] *Znak.com*. https://www.znak.com/2019-01-03/versiya_svyazyvayuchaya_sobytiya_poslednih_dney_v_magnitogorske.
- McIvor, David (2012). “Bringing Ourselves to Grief: Judith Butler and the Politics of Mourning.” *Political Theory* 40.4: 409–36.
- Milashina, Elena (2017). “Ubiystvo chesti” [Honor killing]. *Novaya Gazeta* [New newspaper]. <https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/01/71983-ubiystvo-chesti>.
- Milashina, Elena (2021). “Kazn' posle smerti” [Execution after death]. *Novaya Gazeta* [New newspaper]. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/15/89211-kazn-posle-smerti>.
- Milashina, Elena, and Irina Gordienko (2017). “Raspravy nad chechenskimi geyami” [Massacres of Chechen gays]. *Novaya Gazeta* [New newspaper]. <https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72027-raspravy-nad-chechenskimi-geyami-publikuem-svidetelstva>.
- Milosevic, Anna (2017). “Remembering the Present: Dealing with the Memories of Terrorism in Europe.” *Journal of Terrorism Research* 8.2: 44–61.
- “Minoborony obnarodovalo itogi rassledovaniya krusheniya Tu-154 pod Sochi [Ministry of defense publicized results of investigation into the crash of Tu-154 near Sochi]. *Interfax*. <https://www.interfax.ru/russia/564720>.
- Mogutin, Nikita (2019). “My znaem, kto ustroil terakt v Magnitogorske. Boyeviki planirovali seriyu vzryvov v novogodnyuyu noch” [We know who staged the terrorist attack in Magnitogorsk. Militants were planning a series of explosions on New Year’s Eve]. *Baza*. https://teletype.in/@baza/Hyh7RinFV?fbclid=IwAR2PFLAdoqBR7pfd8JqDHTU6nRWv-Z1zpKPLKC_nhaDLP9FwzmfyTK64t_s.
- Mouffe, Chantal (2000). *The Democratic Paradox*. London: Verso.
- “Nasilie nad sirotami v detdome pod Chelyabinskom. Chto o nyom izvestno?” [Violence against orphans in orphanage near Chelyabinsk. What do we know?] (2018). *BBC Russian Service*. <https://www.bbc.com/russian/features-43116926>.
- Nevezorova, Darya, and Maria Shramenko (2018). “Detdom uzhasov: malchiki-siroty

- rasskazali ob iznasilovaniyakh v internate pod Chelyabinskom” [Orphanage of horrors: Orphan boys tell of rape in an orphanage near Chelyabinsk]. *74.ru* <https://74.ru/text/criminal/399293416808452.html>.
- Petrenko, Sergey (2019). “O khode rassledovaniya prichin vzryva v pod’ezde zhilogo doma v Magnitogorske” [On the course of the investigation into the causes of explosion in the entrance hall of an apartment building in Magnitogorsk]. *SK RF*. <https://sledcom.ru/news/item/1287597/?print=1>.
- “Pravozashchitniki opublikovali doklad o pytkakh v Belarusi” [Human rights activists publish a report on torture in Belarus] (2021). *TUT.BY*. <https://news.tut.by/society/716536.html#c>.
- “Prichinoy Ubystva Vosmi Soldat Sosluzhvtsem Nazvali Nervnyy Sryv” [Nervous breakdown named as reason for soldier killing eight comrades] (2019). *Interfax*. <https://www.interfax.ru/russia/681784>.
- “Protivit’sya reforme sotsuchezhdeniy znachit byt’ storonnikom genotsida sobstvennogo naroda’: Federmesser rasskazala o PNI v Rossii” [“To resist the reform of social service institutions is to support the genocide of your own people”: Federmesser speaks about psycho-neurological residential institutions in Russia] (2019). *Novaya gazeta* [New newspaper]. <https://novayagazeta.ru/news/2019/06/26/152818-protivitsya-reforme-sotsialnyh-uchrezhdeniy-znachit-byt-storonnikom-genotsida-sobstvennogo-naroda-nyuta-federmesser-rasskazala-o-ddi-i-pni-v-rossii>.
- Santino, Jack, ed. (2005). *Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death*. New York: Palgrave Macmillan.
- Safonova, Kristina (2020). “Pokhozhe na ad na zemle. Prosto ad [It seems like hell on earth. Simply hell]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/08/13/k-visku-pristavlyali-oruzhie-i-perezaryazhali>.
- Schmitt, Carl (1996). *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Schmitt, Carl (2001). *State, Movement, People: The Triadic Structure of the Political Unity; The Question of Legality*. Corvallis, OR: Plutarch Press.
- Schmitt, Carl (2004) *Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmitt, Carl (2007) *The Concept of the Political*. Chicago: University of Chicago Press.
- Shilling, Chris, and Philip Mellor (2013). “‘Making Things Sacred’: Re-Theorizing the Nature and Function of Sacrifice in Modernity.” *Journal of Classical Sociology* 3: 319–37.
- “Skandal v internate pod Chelyabinskom: ‘Devochku priveli na abort’” [A scandal in a boarding school in Chelyabinsk: “A girl brought in for an abortion”] (2018). *Moskovskiy Komsomolets* [Moscow Komsomol Member]. <https://www.mk.ru/incident/2018/02/21/skandal-v-internate-pod-chelyabinskom-devochku-priveli-na-abort.html>.
- “Stecheniye obstayatelstv’. Kak vlasti Belarusi zakryvayut dela i sudy o gibeli lyudey na protestakh” [“Conjuncture.” How the Belarus authorities close cases and stop court proceedings concerning the deaths of protesters] (2021). *BBC Russian Service*. <https://www.bbc.com/russian/features-56128669>.
- Sulim, Sasha (2017a). “Priznatsya v Chechnye, chto ty gey, mozhet byt’ smertelno opasno” [It may be deadly to admit that you are gay in Chechnya]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2017/04/03/priznatsya-v-chechne-chto-ty-gey-mozhet-byt-smertelno-opasno>.
- Sulim, Sasha (2017b). “Presledovaniye chechenskikh geyev i ataka na ‘Novuyu Gazetu’: kak reagiruyut na etu istoriyu v Rossii i na Zapade” [The persecution of Chechen gays and attacks on *Novaya Gazeta*: Reactions to this story in Russia and the West]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2017/04/17/presledovanie-chechenskih-geev-i-ataka-na-novuyu-gazetu-chto-novogo>.
- Surkov, Vladislav (2017). “Dolgoye gosudarstvo Putinta” [Putin’s long govern-

- ment]. *Nezavisimaya Gazeta* [Independent newspaper]. http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.
- “Svedeniya o massovykh zaderzhaniyakh v Chechnye predstaviteley seks. Menshinstv podtverzhdayutsya mnogochislennymi istochnikami” [Information about mass detentions of members of sexual minorities confirmed by many sources] (2017). *Ekho Moskvy* [Moscow echo]. <https://echo.msk.ru/news/1955286-echo.html>.
- Tacitus (1982). *The Annals*. Trans. Alfred John Church and William Jackson Brodribb. Pennsylvania: The Franklin Press.
- Torop, Anastasiya (2018). “V Chelyabinskoy oblasti SK vzbudil ugovnoye delo ob iznasilovaniyakh vospitannikov detskogo doma” [The investigative committee opened a case concerning the rape of children in an orphanage]. *Novaya Gazeta* [New newspaper]. <https://novayagazeta.ru/news/2018/02/19/139629-v-chelyabinskoy-oblasti-sk-vzbudil-ugovnoe-delo-ob-iznasilovaniyah-vospitannikov-detskogo-doma>.
- Tsybulski, Vladimir (2020). “V Minske umer 31-letniy storonnik oppozitsii Roman Bondarenko, kotorogo izbili na ‘Ploshchadi peremen’. Na aktsiyu ego pamyati prishli tysyachi lyudey” [31-year-old supporter of the opposition Roman Bondarenko, beaten on the “Square of Change,” dies in Minsk. Thousands of people attend commemorative event]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/11/13/v-minske-umer-31-letniy-storonnik-oppozitsii-roman-bondarenko-kotorogo-izbili-na-ploshchadi-peremen-na-aktsiyu-ego-pamyati-prishli-tsyachi-lyudey>.
- “V Belarusi nayden mertvym propavshiy vo vremya protestov. Ego iskali 10 dney. [A man who vanished during protests found dead in Belarus. He was missing for 10 days]. (2020). *Meduza*. <https://meduza.io/news/2020/08/23/v-belarusi-nayden-mertvym-propavshiy-vo-vremya-protestov-ego-iskali-10-dney>.
- Vasterman, Peter, ed. (2018). *From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Walker, Shaun (2017). “Chechens Tell of Prison Beatings and Electric Shocks in Anti-Gay Purge: ‘They Called Us Animals.’” *Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/13/they-called-us-animals-chechens-prison-beatings-electric-shocks-anti-gay-purge>.
- Yampolski, Mikhail (2004). *Fyziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashcheniye Levi afana. Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima*. [The physiology of the symbolic. Book 1. Return of the Leviathan. Political theology, representation of power and the end of the old regime]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Zislin, Josef. “Chert-Inorodec-Bezumec. K voprosu o vozmozhnosti antropologicheskogo podhoda v vopriyatii terrorista. tezisy doklada k konferencii ‘Terror i kul’tura’” [Devil-foreigner-madman. On the question of the possibility of an anthropological approach in the perception of a terrorist. Abstract of a report to the conference “Terror and Culture”]. <https://independent.academia.edu/JosefZislin>.
- Žižek, Slavoj (2014). “The Impasses of Today’s Radical Politics.” *Crisis & Critique* 1. http://crisiscritique.org/wp-content/uploads/2014/01/Zizek_Politics.pdf.
- Žižek, Slavoj (2014). *Nakanune Gospodina* [On the eve of the master]. Moscow: Evropa.
- Zygmunt, Alexey (2020). “‘Sakralnaya zhertva.’ Proishozhdeniye i ustroystvo putinskogo mifa” [“The sacred victim.” The source and structure of Putin’s myth]. *Republic*. <https://republic.ru/posts/97502>.